

РУССКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Часть 2

А.И. Фет (1924–2007),
Новосибирск, Россия

Статья является продолжением статьи «Русские университеты и русская интеллигенция», напечатанной в нашем журнале в № 3 за 2016 г. Автор обсуждает проблему формирования российской интеллигенции и ту роль, которую играло в этом процессе русское университетское сообщество. Показываются истоки той «беспочвенности», которая всегда отличала русскую интеллигенцию, анализируются причины ее всегдашней оппозиционности к любой власти. Автор обосновывает тезис о том, что революционеры всех мастей представляли собой полунинтеллигенцию: вместо толстых книг эти люди читали брошюры, а философию им заменяла партийная идеология. Полунинтеллигенция сыграла ведущую роль во всех французских революциях, а впоследствии и в русской. Анализируется судьба русских университетов при советской власти. Годы «застоя» означали уже агонию русских университетов, потерявших все импульсы научной деятельности. Экспериментаторы без приборов, теоретики без литературы были изолированы от мира системой бюрократических запретов. Автор дает блестящий анализ роли и значения русской интеллигенции в российской и в мировой истории. Главный источник своеобразия русской интеллигенции он видит в том, что она было *бескорыстна*. На Западе *свобода* и *равенство* означали защиту групповых и классовых интересов; в России же эти слова понимались как *братство* со всеми угнетенными и забвение собственного интереса.

Ключевые слова: русские университеты, русская интеллигенция, большевизм, либерализм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-146-160

Оппозиционность русских университетов

За редкими исключениями, настроение студентов и даже преподавателей (российских университетов – *ред.*) было оппозиционным. Это явление нуждается в объяснении. В России становилось всё больше образованных людей. В начале XIX века, как свидетельствуют тиражи русской печати, было всего несколько тысяч человек читающей публики, а в середине века она уже насчитывала десятки тысяч; вспомним, что и в Западной Европе подавляющая масса населения была в то время неграмотна.

Образованные люди происходили теперь из разных слоев общества и потому назывались разночинцами. Они были детьми чиновников, ремесленников и торговцев, иногда даже крестьян, но особенно часто они происходили из духовенства: дети священников очень скоро освобождались от религии. Чаще всего им приходилось служить в государственных учреждениях, но в России образование было европейским и неизбежно свободным, а государство деспотическим, и по своему образу действий справедливо считалось азиатским. Между

образованными людьми и российским государством возник раскол, не сравнимый ни с чем в истории Европы.

Образование отчуждало человека от русской жизни. Крепостное рабство подавляющей массы населения представлялось ему чудовищной несправедливостью, правящее и неработающее барство – классом паразитов-рабовладельцев, а вся система управления – колоссальной бессмыслицей. Вся официальная идеология была для него очевидным лицемерием, и поскольку она основывалась на православной религии, то и религия стала для него частью этой системы угнетения и лжи. В Европе молодой человек, получивший образование, сохранял уважение к занятиям своего отца и чаще всего наследовал его общественное положение: это была естественная, исторически сложившаяся система воспитания. В России же образованный человек, смотревший с одинаковым отвращением на барскую усадьбу, чиновничью канцелярию и церковь, становился *асоциальным*, не находил себе места в сложившейся русской жизни. Так возникла та «беспочвенность» русской интеллигенции, на которую жаловались впоследствии ее консервативные ренегаты.

Неизбежный разрыв между идеалом и действительностью принял в России особенно резкую форму, потому что реформы Петра застали ее культуру неразвитой и по существу бесписьменной. Развитие воспринималось как подражание «чужому», а когда из этого развития возникали гибридные квазиевропейские учреждения и понятия, из Европы вскоре приходили новые идеи, и всё свое снова представлялось нелепым и смешным. Нечто подобное происходило в азиатских странах, например, в Китае и Японии, но там была развитая, дав-

но сложившаяся культура; впрочем, Китаю тоже предстояла необычная судьба.

Разрыв с традицией, происшедший у разночинцев в течение одного поколения, имел особенные психологические следствия. Люди, получившие европейские понятия из книг и разговоров, придавали европейским идеям полное, бескомпромиссное значение: религия отбрасывалась как «опиум для народа», демократия понималась как «народовластие», и очень скоро выяснилось, что, по выражению Прудона, «собственность – это кража». Все ограничения и препятствия, возникающие при практическом применении таких идей, русским интеллигентам были неизвестны, потому что практическая жизнь вокруг них была совсем другой. Конечно, они были наивны – часто наивны, как дети. Мемуары революционеров XIX века – Герцена, Кропоткина, Морозова – правдиво описывают эту среду.

*Русские университеты до революции
и зарождение русской интеллигенции*

В дореволюционной России было всего десять университетов: Московский (открытый в 1755 году), Казанский и Харьковский (с 1804 года) Петербургский (с 1819 года), Киевский (с 1833 года), Одесский (с 1864 года) и Томский, устроенный на средства сибирских купцов (с 1888 года), а также польский университет в Варшаве, немецкий в Дерпте (нынешний Тарту) и шведско-финский в Гельсингфорсе. В первой половине XIX века в каждом из них было несколько сот студентов, а в 1900 году студенты считались уже тысячами. Состав студентов был с самого начала сословный, но считалось, что в Московском и Петербургском университетах преобладал чиновничий элемент, в Казанском и Одес-

ском – духовный, в Варшавском – дворянский. Мотивом создания университетов была потребность в образованных чиновниках, без которых нельзя было управлять обширной империей. При централизованном, бюрократическом государственном устройстве роль чиновников была больше, чем где бы то ни было в Европе, а поскольку Россия стала великой европейской державой, функции этих чиновников не могли быть слишком просты.

Но, с другой стороны, университетское образование вносило в понятия студентов европейский элемент, поскольку сами предметы преподавания были неизбежно западного происхождения. Западное влияние, проникавшее в Россию всевозможными путями, было всегда «либеральным», т. е. развивало самостоятельность мышления и представление о более свободных формах жизни. Чтобы предотвратить это влияние на русскую молодежь, правительство, как мы уже видели, выбрало в качестве образца *немецкие* университеты, наименее свободные и сохранившие в своем преподавании ряд средневековых особенностей. Отсюда, как уже было сказано, произошли непомерно длинные курсы лекций с задиктовыванием по тетради неизменного текста, и экзамены, требовавшие зубрежки. Все эти черты уцелели до наших дней, тогда как в самой Германии их давно уже нет. Вначале профессоров приглашали тоже из Германии и лекции читались по-немецки; предполагалось, что студенты их понимают. Потом стали посылать молодых людей в Германию «для подготовки к профессорскому званию». Но русская молодежь была не похожа на немецкую.

Как видно из мемуаров того времени, особенно из воспоминаний Герцена, студенты отчетливо делились на две катего-

рии. Большинство их составляли люди скромного достатка, или просто неимущие, нуждавшиеся в дипломе для карьеры; часть из них получала государственные пособия и жила в чем-то вроде общежитий. Эта, казалось бы, самая демократическая группа студентов не проявляла интереса к новым идеям. Но было значительное меньшинство, настроенное совсем иначе и преследовавшее другие цели. Эти молодые люди, большей частью получившие с детства домашнее образование и знавшие иностранные языки, не довольствовались казенным преподаванием, часто заслуживавшим презрения; они искали знание в иностранных книгах, передавая друг другу и обсуждая не только серьезные научные труды, но и всевозможную запретную литературу. Из этих кружков и вышла русская *интеллигенция*, хотя этого слова еще не было в употреблении, и русская *революция* – это слово было известно и вызывало страстный интерес. Таким образом, русское правительство, открыв университеты, вопреки своей воле способствовало формированию оппозиционной среды. Парадоксально и характерно для России то обстоятельство, что враги существующего строя происходили вначале из общественных слоев, занимавших в нем привилегированное положение и, как можно было думать, заинтересованных в его сохранении. Мы уже видели, каким образом в России воспитывалась такая молодежь.

Уже в 1820-е годы развитие «либеральных» идей в русских университетах вызвало страх у царя Александра Павловича, совершившего к тому времени эволюцию в сторону консервативной реакции. В эти годы царь Александр, в юности заявлявший себя республиканцем и мечтавший бежать от ненавистного рабства в Америку, ударился

в христианский мистицизм, в то же время доверившись тупому солдафону Аракчееву с его системой военных поселений. Узнав о «либеральных» тенденциях в им же устроенных университетах, он подчинил их примитивным обскурантам, никому не известным Магницкому [Михаил Леонтьевич (1778–1855)] и Руничу [Дмитрий Павлович (1780–1860)], которые принялись насаждать там казарменную дисциплину и казенное православие. Но университеты он всё же не закрыл; обскуранты, как всегда бывает, проворовались, и профессора продолжали свои сомнительные лекции. Среди них уже были русские профессора, учившиеся в Германии. Студенты учились у них философии Шеллинга и Гегеля, а из других источников знакомились с наследием вольтерьянцев и якобинцев. Александра Павловича преследовал страх перед революцией, и революция шла уже в головах его молодых подданных. В сущности, у царя не было выхода: Аракчееву нельзя было поручить никакие университеты, а те, какие были, нельзя было ни исправить, ни закрыть. В наше время эти проблемы, наконец, решены: у нас вполне смиренные университеты, но Россия перестала быть великой державой. Можно думать, что эти вещи связаны между собой: как говорил некогда Бэкон, «знание – сила».

Восстание декабристов не было делом университетских людей: офицеры имели совсем другое воспитание. Они набрались новых идей во время европейских походов. Это были те же «либеральные» идеи в самом упрощенном виде, но и этого было достаточно, чтобы пошатнуть царский престол. Николай Павлович, которого не готовили к трону, получил очень узкое образование и вообще никаких идей не любил. Он любил дисциплину и порядок. Снача-

ла он хотел просто закрыть университеты, но передумал и ограничился полумерами. Как известно, градоначальник города Глухова Угрюм-Бурчеев «въехал в город на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки». Ясно, кого изображал этот деятель, но идеальные фигуры встречаются только в литературе. Николай Павлович всего лишь сократил число студентов и повысил плату за учение. Кроме того, он упразднил за ненадобностью преподавание философии – всякой философии вообще. Николай Павлович сумел найти также Аракчеева для русской науки: это был Сергей Семенович Уваров, филолог, занимавшийся греческими древностями и получивший впоследствии – отнюдь не за это – графское звание. Этот молодой человек, учившийся в Геттингене, был однажды принят старым Гёте, который, впрочем, и вообще был вежлив с аристократами. В 1810 году (в возрасте 24 лет!) Уваров был назначен попечителем петербургского учебного округа, в 1818 году – президентом Академии наук. При вступлении в эту должность он говорил еще о политической свободе как «последнем и прекраснейшем даре Бога» и был близок к известному литературному кружку «Арзамас». Это не помешало ему после воцарения Николая переменить позицию: он стал врагом Пушкина, попечителем цензуры и выразил нетерпеливое желание: «Когда же, наконец, прекратится русская литература!». Когда в 1833 году он был назначен министром народного просвещения, он писал попечителям учебных округов: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе *православия, самодержавия и народности*». Эти слова, внесенные в графский

герб Уварова, стали программой российского казенного образования. «Православие» и «самодержавие» вряд ли нуждаются в пояснениях; что касается «народности», то Уваров принимал меры с целью «удержать низшие сословия в соразмерности с гражданским их бытом в отношении к образованию их детей и побудить их ограничиваться уездными училищами»; для этого был повышен размер платы за обучение в средних и высших учебных заведениях. Президентом Академии наук он оставался до самой смерти. Заслуги графа Уварова перед русской наукой не уступали, таким образом, его подвигам на поприще русской литературы. Аракчеевы этого рода всегда получают из ренегатов.

Революция 1848 года грянула, как снег на голову, перекинулась из Франции в Германию и охватила всю Европу. Николай Павлович увидел в этом следствие того же «либерализма» и принял лихорадочные меры, чтобы в России всякий либерализм окончательно извести. Можно предположить, что надлежащими мерами для этого было бы закрытие всех органов печати и всех учебных заведений, но, должно быть, царю объяснили, что такие панические решения были бы приняты иностранными державами за признаки крайнего неблагополучия. Николай ввел фантастическую, многоступенчатую цензуру печати, чем привел самих цензоров в крайнее замешательство, а в университетах устроил систему муштры и доноительства, угрожавшую всем – и студентам, и профессорам – сдачей в солдаты. Но крамолой была уже охвачена, как можно было подумать, вся молодежь, да и вся образованная публика была раздражена бессмысленными строгостями. В стране не было беспокойства – его создавала сама власть. Но уже формировалась

новая сила – общественное мнение, ясно видевшее необходимость перемен. Самой необходимой из них была отмена крепостного права. Об этом думал и сам Николай, и этот жгучий вопрос келейно обсуждался в секретных комитетах.

Между тем царь втянул Россию в безрассудную войну. Он переоценил свою военную силу, которую видел только на парадах. Его дилетантские выходки против Турции вызвали коалицию Англии и Франции на стороне турок. У России не было союзников, но русские дворяне привыкли побеждать и ждали легкой победы. Более того, многие ждали от войны нравственного очищения и – каким-то образом – решения всех проблем. Надо было только отобрать у турок Константинополь и водрузить крест на Святой Софии, остальное сделает Бог! Славянофил Хомяков выразил эти упования звучными стихами, попутно описав положение России:

«В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймлена,
Бесстыдной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна».

Так говорил верующий монархист Хомяков, но было всё больше неверующих, а монархия перестала вызывать священный трепет. Рубежом послужила Крымская война. Толстой в «Севастопольских рассказах» описал упорную защиту Севастополя и все ужасы организованного убийства. Но была другая сторона этой войны: она подорвала державную уверенность россиян. Произошло нечто неслыханное. Со времен Петра русские не терпели поражений, такого не было в памяти старших и в воспитании младших. Казалось самоочевидным, что турки, уже изгнанные из Крыма и черноморского юга, будут окончательно посрамлены:

все войны с этими нехристями триумфально свидетельствовали о русском превосходстве. Как возгласил Державин, «Гром победы, раздавайся!». Да и в Европе, как говорил Суворов, «русские прусских всегда бивали». Вся эта мифология рухнула в Крыму.

Союзники не могли добраться до России сухим путем: Австрия и Пруссия сохраняли нейтралитет. Казалось бы, они могли только помочь туркам в самой Турции. Но они вдруг высадились на русской территории и осадили базу черноморского флота – Севастополь. Можно было подумать, что это было безнадежное предприятие, что могучая русская армия сбросит их в море. Но ничего подобного не произошло. Вместе с турками высадились англичане и французы, да еще «сардинцы», то есть северные итальянцы. Они осадили крепость и в конце концов ее взяли. И вдруг стало ясно, что продолжать войну невозможно. В России еще не было железных дорог, солдаты шли пешком, а грузы везли в телегах. Дорога в Крым была долгая; собственно говоря, дорог вообще не было. Море меньше мешало союзникам, чем русское бездорожье – у них были пароходы, и с ними не мог справиться русский парусный флот. Ружья у них были тоже нового типа, и вся материальная часть была на уровне времени. Русские ощутили, что от них время ушло. Даже русская доблесть мало значила в этот железный век; впрочем, враги были тоже доблестны, и можно было усомниться, всегда ли крепостные солдаты будут безропотно умирать по команде своих господ.

Перемена в общественном мнении заставила русское правительство врасплох. Николай умер от загадочной болезни в конце войны, и возникло подозрение, что он покончил с собой. Прежние авторитеты потеряли значение. Гарин-Михайловский

вспоминает, как старый генерал жаловался на молодых людей, не замечающих на улице его генеральство. Кропоткин вспоминает, как молодежь – даже знатного происхождения, как он сам, – стала пренебрегать карьерой, стремиться к полезному знанию. Конечно, общее либеральное течение, обновившее русскую жизнь в эпоху великих реформ, должно было со временем разбиться на течения разного направления. Большая часть либералов надеялась на мирные реформы, на постепенный рост благосостояния и культуры. Но было и радикальное меньшинство, не верившее в намерения начальства и ненавидевшее весь государственный строй России. Правительство, охранявшее бюрократическими мерами этот строй, делало всё, что могло укрепить недоверие и ненависть молодежи. В.Г. Короленко описал всё это в своих потрясающих воспоминаниях «История моего современника»: он поплатился за независимое поведение ссылкой в Якутию. П.А. Кропоткин, сначала ставший выдающимся географом и геологом, бросил науку и ушел в революцию.

Между тем университеты продолжали свою работу. Александр II устранил самые одиозные ограничения и восстановил некоторые из «академических свобод». К университетам прибавилось несколько технических и медицинских институтов, число студентов возросло. Появились русские профессора по всем наукам, и многие из них стояли на уровне европейских. Чиновники следили тогда только за внешним порядком и почти не вмешивались в преподавание и экзамены, кроме гуманитарных наук, где требовалась некоторая умеренность.

Надо отдать себе отчет в том, насколько русские университеты того времени от-

личались от нынешних. Теперь чуть ли не бо́льшая часть оканчивающих школу идет в так называемые «вузы». Сотни тысяч бездельников, по-прежнему именуемых студентами, получают дипломы, всё еще нужные для карьеры, но уже не составляющие никакого отличия. Иначе было в старой России: доступ к высшему образованию был труден, и диплом требовал серьезных усилий. Студенты из бедных семей должны были содержать себя сами; лишь небольшая часть их получала стипендии и освобождалась от платы за учение. На сто тысяч населения даже в конце XIX века приходилось меньше десяти студентов, а общее число их было меньше 15 тысяч. Университеты не беспокоились об «успеваемости»: диплом получало меньше половины поступивших. Таким образом, экзаменаторы могли безнаказанно предъявлять студентам серьезные требования. Хорошим преподавателем считался не тот, кто ставил лучшие оценки, как это установилось при советской власти. Наконец, преподаватели университетов имели время всерьез заниматься наукой, и почти все серьезные ученые читали лекции в университетах. Нетрудно понять, что в этих условиях звание профессора, и даже студента, было почетным: университетская среда была подлинной элитой русского общества – его трудовой элитой, в отличие от элиты знатных и богатых, внушавшей молодежи презрение.

Понятия этой молодежи правильно отражают тургеневский Базаров и статьи Д.И. Писарева, умершего очень молодым, а также не очень талантливый, но необходимый для понимания эпохи роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Лопухов и Кирсанов – типичные университетские люди той поры, даже списанные с конкретных исторических лиц; Рахметов же представ-

ляет скорее неудачное предсказание более радикальной среды, которой автор еще не знал. Столкновение интеллигенции с мещанством, изображенное в этом романе, имеет историческое значение не только для России. Что же такое интеллигенция?

В своем современном значении это русское слово, перешедшее затем в другие языки (английское *intelligentsia*, и т. д.). Первоначально было слово *intelligence*, *intelligenz*, означавшее просто «умственные способности», но в России 1860-х годов это слово стало применяться для обозначения особого слоя людей, ставивших интересы «народа» выше своих личных. Еще в начале 60-х годов оно было в устном употреблении: в 1864 году его можно найти в дневнике цензора А.В. Никитенко. Но в печати оно впервые появилось, как теперь доказано, в 1868 году в статьях выдающихся русских публицистов Н.К. Михайловского, Н.В. Шелгунова и П.Н. Ткачева.

*Русские университеты –
школа интеллигенции*

Русские университеты стали школой интеллигенции. Как уже говорилось, значительное большинство ее было настроено либерально, то есть надеялось на мирную эволюцию России, действительно развивавшейся в сторону европейской экономики и культуры. Странниками такой эволюции были все выдающиеся ученые России: Менделеев, Чебышев, Сеченов, Павлов, Жуковский, Ковалевский. Впоследствии почти все люди с солидным образованием и собственными достижениями вошли в партию конституционной демократии («кадетов»). Напротив, крайне радикальные партии чаще всего рекрутировали свои кадры из студентов, не окончивших курса, или даже молодых людей, не окончивших

средние учебные заведения. Как правило, эсеры и эсдеки не имели охоты и времени для академических занятий или изгонялись за участие в сходках и демонстрациях. Такую публику можно назвать «полунинтеллигенцией»: вместо толстых книг эти люди читали брошюры, а философию им заменяла партийная идеология. Полунинтеллигенция сыграла ведущую роль во всех французских революциях, а впоследствии и в русской.

Можно было бы думать, что русское правительство постарается ослабить радикализацию молодежи, отделив ее радикальную часть от умеренной, и будет искать взаимопонимания с умеренной. Так поступали правящие круги Англии: в 1832 году они провели избирательную реформу, предотвратив этим назревшую революцию и успокоив умеренную оппозицию. Но русские правители не проявили такой мудрости. Они отвечали на каждую студенческую демонстрацию, и особенно на каждое террористическое покушение, преследованиями и ограничениями, затрагивавшими также умеренную и совершенно непричастную публику. Это паническое поведение, противоречившее прямым интересам самого начальства, вызвало в русских университетах общую ненависть к правительству и недоверие ко всем его намерениям. Впрочем, русское правительство вообще хотело бы задержать культурное развитие страны, не усматривая связи между этим развитием и материальной силой государства. Уроки Крымской войны были забыты.

После убийства Александра II народолюбцами правители России пытались остановить образование низших слоев населения, не допуская простолюдинов в университеты, а по возможности и в гимназии. Министр народного просвещения

И.Д. Делянов издал в то время (1887 г.) знаменитый «циркуляр о кухаркиных детях». Дети из нижних слоев населения (следовал перечень, где упоминались дети кухарок) стремятся получить высшее образование, жаловался Делянов. Этим детей надо было остановить уже на ступени гимназии: «их отнюдь не следует выводить из состояния, в коем они родились, исключая разве способности необыкновенные». Остановить их не удалось, а впоследствии люди с очень обыкновенными способностями расстреляли царя и его министров. Другой министр просвещения, граф Дмитрий Андреевич Толстой, вообразил, будто всё зло происходит от «реального образования», т. е. от естественных наук; чтобы этому противодействовать, он настаивал на изучении древних языков, но и это не помогло: Ленин одолел и греческий, и латынь.

Глупая политика правителей России привела к тому, что среди культурных людей не было сторонников существующего строя: «правые» партии были бездарны. Все таланты были у кадетов, а вся энергия — у радикалов. Два последних русских царя — Александр III и Николай II — как и Николай I, не получили серьезного образования и были невежественны. Первый из них был, однако, осторожен и избегал войны. Второй втянул Россию в две войны, каждая из которых кончалась революцией; вторая из этих революций, самая страшная революция в истории, покончила со всей старой Россией.

*Русские университеты
при советской власти*

Большевики пришли к власти неожиданно для России и для самих себя. Они получили в наследство культуру, которую не умели ценить. Ленин был типичный

полуинтеллигент, без серьезной культуры. Он окончил экстерном юридический факультет, но не обладал ни логикой, ни опытом настоящих юристов, так как никогда не занимался юридической практикой. Замечательно, что он не понимал значения закона для устойчивости государства и успешной хозяйственной деятельности: как большинство русских, он верил во всемогущество власти, не замечая ее опасностей. Юрист, не понимавший, зачем нужен закон, обосновывал свое невежество марксизмом: он полагал, что законы просто оформляют власть господствующего класса, и мог сослаться на Гегеля с его философией права. Власть, которую хотел создать Ленин, могла быть только произволом фанатиков, а потом – произволом беспринципной диктатуры. Ленин не любил интеллигентов, потому что сам не был интеллигентен. Он ничего не смыслил в искусстве, хотел закрыть Большой театр, потому что рабочим не нужны опера и балет. В Париже и в Лондоне он не бывал в музеях, не ходил в концерты. Литературу он ценил только за ее политические тенденции. Гуманитарные науки были ему чужды. Если он рылся в философских книгах, то лишь в поисках полезных цитат. Его собственная философская продукция достаточно известна: он полагал, что от оппонентов можно отделаться бранью. Думаю, что Ленин мог бы нанести еще больше вреда, если бы ему не мешали более образованные партийцы. Луначарский помешал ему закрыть оперный театр, но никто из товарищей не помешал ему посадить на пароход и выслать за границу всех гуманитарных ученых, имевших собственное мнение. Их, скорее всего, расстреляли бы, если бы не пришлось считаться с мнением европейских социа-

листов. Гуманитарные факультеты превратились в рассадники ученых стукачей.

Естественных наук Ленин никогда не знал. Он готов был поверить, что Пуанкаре хотя и «мелкий философ», но «крупный физик». В первом он был уверен, второе принимал на веру. Случайно в мои руки попал обзор Дюгема (*Дюгем П. Физическая теория*. СПб., 1910; *Dubem P. La théorie physique, son objet etsa structure*. Paris, 1986. – *Ред.*), по которому он сочинял свою книгу («Материализм и эмпириокритицизм» – *Ред.*); конечно, даже этого поверхностного изложения он понять не мог. Судьба научных факультетов зависела от того, когда там объявятся стукачи. Я прошу прощения за это слово, означающее идейных (или безыдейных) доносчиков и прочно вошедшее в русский язык.

Общая установка партии по отношению к естественным наукам, как полагали большевики, опиралась на марксизм: наука могла содействовать развитию производительных сил, а потому просто закрывать факультеты было нельзя. Это касалось всех наук, упоминаемых Марксом и Энгельсом и потому имеющих право на существование. Но другие науки, которых еще не было при Марксе и Энгельсе, можно было не допускать – например, генетику или кибернетику. Даже социологию советские чиновники не хотели считать наукой, потому что Маркс не обозначал науку об обществе этим словом. Но старые факультеты – физико-математический, геологический и т. д. – должны были существовать. Такова была линия партии, и ее нельзя было оспаривать. Факультеты должны были остаться. Иное дело, какая наука должна была изучаться на этих факультетах. Здесь уже партийные активисты могли себя проявить.

Дело в том, что на факультетах были прежние, старорежимные профессора, классово чуждые люди – по убеждениям кадеты или еще какие-нибудь либералы. К советской власти они относились явно отрицательно и не были еще приучены это скрывать. Знаменитый физиолог Павлов, единственный в России лауреат Нобелевской премии, читал своим студентам лекции, обличающие советскую власть. Другие думали так же, а лекции читали невозможно, как будто ничего не произошло. Партийные активисты видели в каждом факультете крепость классового врага. Чтобы прорваться в такую крепость, нужны были лазутчики внутри, ученые, преданные диамату и начальству, – и нужно было, конечно, разрешение начальства. Лазутчиков было очень мало, и они были робки, поскольку не составляли особенной научной силы на своих факультетах; поэтому в двадцатые годы несколько скандалов, устроенных на факультетах марксистами, ни к чему не привели. А высшее начальство было по горло занято своими внутренними сварами, ему было не до ученых. Марксисты среди ученых всё-таки были. Среди математиков был профессор Хинчин, видный специалист по теории вероятностей, уверовавший в диамат, но не искавший никаких выгод для себя: напротив, все его коллеги над ним смеялись. На него опереться нельзя было, потому что он ни на кого не стучал. От таких сторонников не было толку, и факультеты оставались как были – крепостями классового врага.

Большевики пытались улучшить классовый состав студентов. При поступлении в вузы первенство отдавалось детям рабочих и крестьян. Поскольку они были не очень грамотны, для них устроили подготовительные курсы – «рабфаки», то есть

«рабочие факультеты». Нечего и говорить, что детям старых правящих классов – насколько они еще были в наличии – путь к образованию был закрыт. Но в вузы упорно пытались пролезть дети интеллигентов, состав студентов оставался «плохим». Тогда ввели особые ограничения по социальному происхождению. Молодые люди, желавшие попасть в университет и имевшие несчастье родиться в семье инженера, учителя или врача, должны были проработать не меньше двух лет на заводе непременно у станка, положительно проявить себя в общественной работе и получить комсомольскую характеристику. Это в некотором смысле исправляло их классовое сознание, но в анкетах «социальное происхождение» оставалось навсегда, как впоследствии национальность, пресловутый «пятый пункт». Интеллигенты, окопавшиеся в вузах, издевались над рабфаковцами и комсомольцами, пробивавшими себе путь к диплому. Один молодой ученый безупречного происхождения – таких было немного – получил кличку «сын рабочего и крестьянина». Такова была наглость классового врага! Но главное, студентов там учили всё тем же старым наукам, и трудно было помочь этой беде.

Однажды активистам удалось всё-таки устроить скандал. В 1929 году в Харькове собрался Всесоюзный математический съезд. На этом съезде всё шло, как будто не было революции. Председательствовал московский профессор Дмитрий Федорович Егоров, очень известный математик и, как все знали, верующий в бога. Кто-то из активистов предложил послать приветственную телеграмму ЦК партии. Профессор Егоров поставил этот вопрос на голосование, и собрание его отвергло. Об этом рассказал мне уцелевший участник этого съез-

да, так что перед нами удивительный, но несомненный факт. Несмотря на это, приветствие кто-то послал, но было поздно: классовый враг высунулся и по нему нанесли удар. Профессор Егоров был арестован и легко отделался: через год умер в тюремной больнице. Было распущено Московское математическое общество – старейшее учебное общество в России, и был закрыт «Математический сборник», всемирно известный журнал. Порядок взялся навести Отто Юльевич Шмидт, впоследствии знаменитый полярник, но по профессии математик. Он был большевик, но, увы, не стукач: новой крамолы не открыл, а восстановил Общество и журнал в виде «второй серии». Всё вернулось на круги своя. Активисты снова учинили скандал, собрав враждебные высказывания академика Николая Николаевича Лузина, возглавлявшего московскую математическую школу. В 1936 году была развернута шумная кампания в печати и, казалось, удастся разгромить математический факультет. Но приписать Лузину вредительство было трудно: его работы носили весьма абстрактный характер, и можно было опасаться, что трудящиеся этого не поймут. Сталин велел прекратить кампанию, и математический факультет уцелел. Печально, что при этом нескольких более молодых математиков – учеников Лузина – удалось всё-таки натравить на учителя. Это было многообещающее начало советского стиля в науке.

Годы «застоя» означали уже агонию русских университетов, потерявших все импульсы научной деятельности. Экспериментаторы без приборов, теоретики без литературы были изолированы от мира системой бюрократических запретов. Кадровая политика и система доносов, «характеристика» с весьма произвольным пунктом

об «общественной работе» – всё это представляло подлинную «стерилизацию» образования. В конечном счете допущенные к преподаванию кадры стали творчески бесплодны и рабски покорны начальству. Но уцелевшие профессора и доценты напрасно надеялись на безбедное продолжение своей карьеры. Наступила «перестройка», и инфляция автоматически снизила их заработки до смехотворного уровня. Самое их существование оказалось под угрозой, когда им, по существу, перестали платить. Ученые стали уезжать за границу, и трудно их в этом винить.

Русские университеты, русскую науку и научное образование придется строить заново. Эту трагедию надо пережить спокойно. Нельзя гневаться на мелких жуликов: они не ведают, что творят.

Русская интеллигенция

Октябрьский переворот уничтожил свободу и власть закона, провозглашенные Февральской революцией и столь дорогие русской интеллигенции. Учредительное Собрание, наконец избранное народом, было разогнано самозванной властью террористов. Подавляющее большинство интеллигенции не поддержало большевиков, и среди двух миллионов эмигрантов было несколько сот тысяч лучших интеллигентов, в том числе выдающиеся русские писатели, ученые и общественные деятели. Значительная часть «белой армии», сражавшейся с большевиками во время Гражданской войны, состояла из интеллигентной молодежи, до конца стоявшей за волю народа, выраженную Учредительным Собранием. Оставшаяся в России интеллигенция потеряла свою самую активную и образованную часть во время террора. Лишь немногие из интеллигентов стали большеви-

ками, и все они были уничтожены Сталиным. Распространяемая теперь легенда, пытающаяся свалить на интеллигенцию вину за судьбу России, нужна лишь церковникам, стремящимся навязать России новый обскурантизм, и бывшим советским чиновникам, спасающимся теперь в православии.

Деятельность, направленная на благо других людей, часто встречалась в истории, но в прошлом обычно ограничивалась людьми своей группы, своего племени или своей религии. Представление, что надо «делать добро» чужим людям – людям вообще, – развилось не так давно. Людей, помогавших бедным, называли филантропами, но помогать надо не только бедным, и не только каждому отдельно. Для более общей установки деятельного человеколюбия Опуст Конт придумал в прошлом веке название «альтруизм» от латинского *alter*, означающего «другой». Ещё в Ветхом Завете можно прочесть заповеди о том, как надо обращаться с «ближним», но самое слово это напоминает об ограничении заповедей определенным кругом людей – соплеменников или людей той же религии. Христианство привело – не сразу и против воли церковников – к глобализации этой «любви к ближнему», то есть социального инстинкта. Иисус Христос, каким его изображает Новый Завет, был несомненно великий альтруист, отдавший свою жизнь для блага всех людей. Но те христиане, которые заботятся преимущественно о собственном «спасении», должны быть отнесены к эгоистам.

В основе всей жизни русских интеллигентов лежало представление, что важнейшей целью человеческой деятельности должно быть благо народа. В этом представлении соединились влияние западного гуманизма и традиция русского христи-

анства. Разночинцы были дети верующих, воспитанные в христианской религии, но потерявшие веру в бога. Они сохранили важнейшую заповедь этой религии, ее этическое содержание: любовь к людям. Первым русским интеллигентом был Александр Николаевич Радищев, осознавший свою ответственность за судьбу крепостных крестьян. Потом в Россию пришли учения Фурье, романы Жорж Санд, проекты Оуэна и Сен-Симона. Идеи социализма глубоко отразились на мировоззрении русских интеллигентов. Но в российских условиях не могла возникнуть открытая социал-демократическая партия, а в нелегальных группах экстремистов под действием полицейских репрессий развилась установка на насильственный переворот.

В действительности русская интеллигенция выработала *активный* взгляд на общественную жизнь, свойственный всем поднимающимся группам. Русские интеллигенты не имели уважения к учреждениям и обычаям своей страны, с их точки зрения вовсе не заслуживавшим такого уважения. Они верили, что способы общественной жизни людей могут быть изменены сознательной деятельностью, а деятелями считали самих себя. Эту позицию иногда называли «субъективным» взглядом на прогресс; скорее следовало бы называть такой взгляд «активным», поскольку развитие общества объективно зависит не только от исторического прошлого и наличных условий настоящего, но также от сознательной воли людей, составляющей важную компоненту исторического процесса. Непонимание этого факта следовало бы называть *фаталистическим* взглядом на историю, и такой фатализм, сознательный или бессознательный, проявляется во все эпохи застоя и упадка – в частности, в наше время.

Несомненно, русские интеллигенты переоценивали сознательную компоненту исторического процесса и ожидали быстрых результатов от своих действий – легальных или революционных. Поскольку они были оторваны от практической жизни и не могли прямо общаться с народом, они недооценивали темноту и патриархальную инертность русского крестьянства, возлагая на него чрезмерные надежды или приписывая ему неправдоподобную способность к развитию. Впоследствии марксисты перенесли эти иллюзии на рабочих, еще недавно пришедших из деревни и почти сплошь неграмотных. Более трезвые взгляды были свойственны «либералам», т. е. умеренному крылу интеллигенции, состоявшему главным образом в кадетской партии; но радикальная часть интеллигенции презирала таких людей и обвиняла их в трусости или прямо объясняла их поведение «буржуазными» интересами. Репрессии царского правительства, направленные прежде всего против радикалов, ставили русских либералов в трудное моральное положение.

Нынешние мещанские публицисты видят главную беду в *Февральской* революции – на самом деле желанной революции *всей* русской интеллигенции. Они клеветают на интеллигенцию, не понимая, чем она была и чего хотела. Клевета на мертвых – удобное и безнаказанное дело: интеллигенции в России уже нет. Ее истребила та самая коммунистическая власть, которую ей ставят в вину.

Между тем подавляющее большинство русских интеллигентов – и в том числе все люди высокой культуры, какие были в России, – стремились к целям, прямо противоположным результатам октябрьского переворота. Они стремились к свободе и демократии. Идеи демократии, заимствованные

с Запада, были поняты в России наивно и буквально – как «народовластие», а западный либерализм означал для русских попросту гражданскую свободу. Европейский либерализм прежде всего означал свободу промышленной деятельности и торговли. Но в России почти до конца XIX века не было этой проблемы, так как не было буржуазии, а население жило, главным образом, «натуральным хозяйством». В России «либералами» называли тех, кто просто *хотел свободы*. Наконец, в России свободолюбие и демократизм, пришедшие с Запада, образовали своеобразный сплав.

В России было особое отношение к собственности. Крестьяне, главный трудящийся класс России, не имели собственности, а сами были собственностью; собственниками были помещики, то есть рабовладельцы, а основой их собственности был принудительный труд крепостных. Собственность чиновников имела своим источником, по народным понятиям, лихоимство, а собственность купцов – надувательство. Всё это не могло развить у русских интеллигентов уважение к собственности вообще. Да и в русском народе ее не было: недаром поговорка, до сих пор не утратившая справедливости, говорит: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Здесь главный источник своеобразия русской интеллигенции: она была *бескорыстна*. На Западе *свобода* и *равенство* означали защиту групповых и классовых интересов; в России же эти слова понимались как *братство* со всеми угнетенными и забвение собственного интереса.

Понятия, перенесенные из Европы, вызвали в России единственное в своем роде явление: коллективный альтруизм. Всегда и везде были отдельные люди, бескорыстно работавшие на благо других. У христиан их

называли «святыми», но их религия давала им санкцию такого поведения и обещала награду. Русские интеллигенты часто жили как святые, хотя были неверующими и не могли рассчитывать на воздаяние ни от земного, ни от небесного начальства. В начале XX века их было уже сотни тысяч: это были учителя, врачи, земские служащие, инженеры, профессора, литераторы, иногда даже чиновники. Братство русских интеллигентов имело свои неписанные законы. Главным законом был бескорыстный труд для народа. Если искать для них сравнения, то они напоминали монашеские ордена, дававшие обет нестяжания. Они исполняли свой обет всерьез, и даже с радостью, потому что богатство не было для них соблазном. Для некоторых из них соблазном оказалась власть: они хотели употребить ее, чтобы скорее переделать этот мир.

Русские интеллигенты составляли по существу *бесклассовую* группу, так как происходили из всех классов общества и не считались с интересами класса, откуда они вышли. Эта группа, образовавшаяся не генетическим, а культурным путем, была *наследственной*, так как ее признаки воспитывались в интеллигентских семьях с раннего детства и сообщали русским интеллигентам особый, ни с чем не сравнимый этический облик. Поэтому большая часть интеллигенции не пошла за марксистами, видевшими в человеке прежде всего представителя своего класса и впоследствии перешедшими к прямому преследованию людей «чуждого» происхождения.

Таким образом, идеология русской интеллигенции сумела подняться выше классовых барьеров – и, конечно, выше национальных преград, потому что вряд ли в истории была когда-нибудь группа людей, столь открытая для мысли и чувства своих

иностранных братьев. По существу, организуя началом, которого искали интеллигенты, был *социальный инстинкт*. Кропоткин, вслед за Дарвином, находил его уже в мире животных, а Михайловский называл его «кооперацией».

Конечно, интеллигенты боролись против «угнетателей народа», всех, кто извлекал доходы из эксплуатации трудящихся. Но по существу враждебная им идеологическая установка была также бесклассовой и также наследственной: Герцен назвал эту установку «*мещанством*». Это слово обозначало бездумную привязанность к установленным нормам жизни, усваиваемую с детства и выражаемую старым правилом: «*Живи, как все*». Позицию русской интеллигенции впервые сформулировал А.И. Герцен, а впоследствии развил блестящий публицист и глубокий мыслитель Н.К. Михайловский.

Русскую интеллигенцию обвиняли в «беспочвенности», то есть в отрыве от русской действительности. В самом деле, прочные изменения общественной жизни предполагают обычно лежащие в их основе интересы определенного класса людей, постепенно пробивающие себе путь. Интеллигенты же полагали, что выражают интересы трудящегося народа – но *не свои*. Обвинение в «беспочвенности», выдвинутое христианами публицистами, с тем же правом можно было бы предъявить святому Франциску, который ушел голым из дома своего отца. В сущности, это обвинение констатировало у интеллигенции отсутствие классового эгоизма и в этом смысле было справедливо: она не умела и не сумела себя сохранить.

Если же «беспочвенность» означала непонимание тех классов, за которые вступались интеллигенты, то в этом было много правды. Народники непомерно идеализи-

ровали крестьян, а социалисты – рабочих, и жестоко поплатились за эти ошибки, когда пришлось столкнуться с их психическими установками при устройстве общественных дел. Впрочем, обвинители интеллигенции, свернувшие к православию и монархии, понимали свой народ еще хуже.

Русская интеллигенция не была обычным общественным классом. Это была *субкультура особого рода, возникшая не генетическим, а культурным путем*. Люди входили в нее не

по рождению, а по образу мыслей и чувств. Эта субкультура не была замкнутой, хотя и отгораживалась от окружающей среды как от «мещанской». *Она стремилась к общечеловеческим целям, а потому была в оппозиции к той культуре, из которой она родилась*. Я назвал бы такую субкультуру *гуманистической*, потому что в основе ее лежала философия гуманизма.

Русская интеллигенция погибла, но в ней можно видеть пример общественного явления, которому принадлежит будущее.

RUSSIAN UNIVERSITIES AND THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA

PART 2

A.I. Fet (1924–2007),
Novosibirsk, Russia

This article is a continuation of the article “Russian Universities and the Russian Intelligentsia” Part 1, published in this journal, №3, 2016. The author discusses the problem of the Russian intelligentsia formation and the role, which the Russian university community played in the process. He also demonstrated the origins of the “groundlessness”, which has always distinguished the Russian intelligentsia, and analyzed the reasons for its invariable opposition to any authority. The author proves the thesis that the revolutionaries of all stripes represented a semi-intelligentsia: instead of thick books, these people read the brochures, and they replaced the philosophy with the party ideology. Semi-intelligentsia played a leading role in all French Revolutions, and later in the Russian one. The article analyzes the destiny of Russian universities during the years of Soviet power. The years of “stagnation” meant already the agony of Russian universities, which had lost all the impulses to scientific activities. The experimenters were without instruments, theorists were without books — they were isolated from the world; they were under a bureaucratic ban. The author gives a brilliant analysis of the role and significance of the Russian intelligentsia in the Russian and world history. In his opinion, the main distinctive characteristic of the Russian intelligentsia was unselfishness. In the West, “freedom” and “equality” meant protecting group and class interests; in Russia, however, these words were understood as “brotherhood” with all oppressed people without any self-interest.

Keywords: Russian universities, the Russian intelligentsia, Bolshevism, Liberalism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4-2-146-160